

Родина романа

Предисловие

Роман «Почерк Леонардо» во многом построен на материале «чужеземной жизни», тщательно прописанной, так, чтобы русский читатель увидел и пароходик на Рейне, и виноградники, шпили башен немецкого городка и улицы Монреаля. Однако есть там и Киев, и разные прочие советские широты вполне гастрольного-циркового толка.

«С чего начинается родина» любого романа? На этот вопрос каждый литератор ответит по-своему, причем, каждый раз, с каждой новой книгой, иначе ответит.

Судьбы книг очень похожи на человеческие. И зарождение книги очень напоминает зарождение человеческой жизни. Крошечная клетка, из которой вырастает целый мир. Бывает так, что вдруг видишь какое-то лицо, которое тебя потом мучает, требует воплощения... А бывает, что весь роман со всеми своими героями обрушивается на тебя некой звучащей интонацией.

Мой роман «Почерк Леонардо» зародился на чужбине...

Он «завучал» во мне явственно и внезапно за завтраком, на кухне у моей сестры в Бостоне. Она рассказывала, как ее знакомый оркестрант, фаготист, однажды в октябре ехал на репетицию оркестра в соседний городок по очень крутой горной дороге. Неожиданно, внезапно и не

6 типично для октября в Новой Англии налетела снежная буря, стали падать деревья, нагруженные листвой и снегом, дорогу завалило... И фэготист просидел в машине восемь часов, потому что дорожные службы не были готовы к такой внезапной зиме.

Поскольку его фэгот мог замерзнуть, музыкант стал играть, разогревая инструмент, и много часов играл весь свой репертуар... Заканчивал Баха, возвращался к Сен-Сансу...

Едва сестра это произнесла, во мне зазвучал фэгот... Густой одинокий протяжный голос в снежной буре. Я сразу поняла, что это — роман. С необыкновенной ясностью осознала, что *мой*-то музыкант и ехал, возможно, на репетицию, только не доехал... Поняла, что обязательно должна там быть любовь, большая трагическая любовь...

Я не знала еще, не видела лица героини, не понимала — к кому, зачем он едет... а только именно в те минуты роман уже состоялся — этой интонацией, этим голосом фэгота... Оставалось только написать этот роман, «разыграть», оркестровать, разнообразить...

Однако «улита едет»... Интересно, что героиню, спустя чуть ли не год, я нашла опять-таки в Америке, разъезжая по городам в очередной гастрольной поездке. К тому времени уже знала, что она должна быть... циркачкой. Она приснилась мне — шла с балансиром по канату. Я проснулась и подумала: что за бред? откуда? зачем? В цирке я была только в детстве раза два, вот уж совсем не мои утехы. Тогда я даже не знала, что тот самый шест, та палка, которую канатоходцы держат в руках, называется балансиром...

Однако в нашем деле следует очень чутко прислушиваться, когда тебя окликают во сне. Писательские сны — это, знаете ли, очень серьезно. Поняв, что моя героиня не желает слезать с каната, принялась я искать цирковых людей... А трудно! Совсем другая, чужая среда.

Тут звонит мне из Монреаля подруга Лена, я ей жалеюсь на свои чисто писательские сложности, и она говорит: «Так ты приезжай к нам. Мои девчонки работают в знаменитом «Цирке дю Солей», одна переводчицей, другая в кастинге... Они все тебе покажут...»

Я подумала — вот и отлично, цирк у меня в кармане, ура. Опишу, как эти самые... ну, как их там... кувыркаются на этом самом... ну, как его там... Съезжу в Монреаль на пару дней, пошляюсь, поглазею, поговорю с кем-то из циркачей (тогда я еще не знала, что цирковые ненавидят это слово — «циркач», и никогда им себя не называют), и дело будет в шляпе — много ли надо писательскому воздействию!

Само собой, за эту наглую самонадеянность, за неуважение к огромному чужому судьбинному труду я оказалась жестоко наказанной.

Приезжаю — в цирке каникулы, пустые студии, пустующие гримерки, никого нет, тренируется лишь какой-то воздушный гимнаст на трапеции. И так неэлегантно тренируется, медленно разучивая один и тот же трюк... скукота! Нет чтобы клоун навстречу и — ррраз! — перекувыркнулся... (Тогда я опять-таки не знала, что «клоун» в цирке называется иначе...)

Я просто в отчаяние впала! Роман начат, живой, уже во мне звучащий... а больше ничегошеньки-то и нет. И я заробела... Главное, стала догадываться, что Цирк — это бездна такая, которую не то что вычерпать, а по краешку пройти и то страшно. Обязательно свалишься без знания точных реалий. Куда уж мне, совершенно посторонней в том мире...

Короче, в ужасе и унынии возвращаюсь из Монреаля к сестре в Бостон, а та и говорит:

— Слушай, тебе тут звонили из Майами, говорят, ты обещала приехать, выступить? Ты, видимо, совсем спятила? Или географию в школе не учила? Ты знаешь,

8 что такое Майами — в июле?! Тебе Тель-Авив покажется Сибирью. К тому же это три с половиной часа лету туда, и столько же обратно. Во имя чего? Погарцевать перед пятью русскими пенсионерами?

Я совсем расстроилась: действительно же не представляла, что это за расстояния. А отказывать неудобно: обещала, организаторы уже купили мне билет на самолет...

Словом, поплелась я в Майами.

Прилетаю и уже в аэропорту понимаю, что конец мне — с моей-то астмой — настает самый натуральный. Меня встречает милая такая пара, муж и жена, местные активисты. Заботливо вытаскивают из кондиционированного аэропорта, запихивают в кондиционированный автомобиль... Но в эти три минуты перерыва я обреченно хватаю ртом воздух раскаленной домны и мысленно произношу разные очень эмоциональные слова.

— У нас тут отлично, — слышу я между тем своих провожатых, — климат хороший, теплый, вечное лето. Если б только не крокодилы...

— А что — крокодилы? — испуганно спрашиваю я. — Где они?

— Да везде, — охотно отвечают мне. — Вон, видите это шоссе, по которому мы сейчас едем? Называется Крокодиловая аллея. Сетки вдоль дороги видите? Это ограждения... Гринпис проклятый не дает отстреливать, вот и расплодилось их четыре миллиона. В дома заходят, в бассейны хлюпаются...

— А вы меня куда... поместите? — осторожно спрашиваю я.

— В квартирку тут одну. Она на первом этаже, так вы просто запирайтесь хорошенько. Да вам не стоит беспокоиться! Крокодилы на взрослых редко нападают. В основном на кошек, собак... ну и детей нельзя выпускать гулять

одних. А на взрослых — редко прыгают. Десять, примерно, случаев в год, не больше...

— Понятно, — говорю я, медленно остывая в этой жаре.

— А в океане их всех вообще акулы съели. Вы, Дина Ильинична, взяли купальник-то? Поплавать?

— Знаете... — мямлю я, — предпочитаю просто душ... если можно...

— Напрасно, напрасно! Акулы на людей довольно редко нападают. Случаев десять в год, не больше... Это все Гринпис проклятый: акулы им дороже людей... Да, собственно, и акулы-то не проблема. Проблема у нас — гремучие змеи.

— Ах вот как... — вежливо говорю я, леденя и цепенея от ужаса: вид любой змеи, несмотря на то что она — тотем моего гороскопа по году рождения, повергает меня в состояние падучей.

— Ну да. Если укусит, главное, присутствия духа не терять. У нас тут сразу: вертолет, госпиталь, сыворотка... И все — о'кей. Да нет, все будет хорошо, — с энтузиазмом продолжал милый человек. — Тут все можно пережить, кроме хэригана.

— А... это кто? — уже в полуобмороке спрашиваю я.

— Не кто, а что: хэриган, ну! Ой, простите, по-русски — «ураган». Видите, вон в зданиях — проемы окон зияют?

Отлично, думаю я, закрывая глаза: значит, жара, крокодилы, акулы, гремучие змеи, ураганы, пенсионеры...

Меня привозят, я выступаю перед действительно немногочисленной, но доброжелательной аудиторией; заработок плевый, но мне уже не до заработков. Мне бы сесть завтра на самолет и вернуться к сестре в Бостон.

Встретивший меня милый человек предлагает завтра «показать город». Я бы, честно говоря, посидела в запертой от крокодилов и змей квартире с кондиционером,

10 но — делать нечего — вежливо соглашаюсь, стараясь скрыть тайный ужас перед этой прогулкой.

— Тогда я найду за вами в семь утра.

— Почему в семь? — осторожно интересуюсь я.

— А в девять утра гулять где бы то ни было по улице уже просто невозможно, — охотно отвечает он. И я ему верю.

И наутро мы идем пешком по городу, по набережной, я разглядываю яхты, виллы, парки... на каждом шагу вспоминаю свою умную сестру и, не вслушиваясь в голос моего провожатого, молча клянусь себе, что отныне... никогда, никогда!!! Господи, скорей бы сесть в самолет...

— У нас тут и люди разные интересные живут... — краем уха слышу я. — Например, воздушные канатоходцы Лина и Николай Никольские. Может, вам случалось бывать на их представлениях? Видели бы вы, как Коля шел по канату между двумя небоскребами! Без страховки!

И я останавливаюсь как громом пораженная, как соляной столп, — понимая в этот миг — ЗАЧЕМ судьба приволокла меня в летний невыносимый, крокодиловый-змеинный-акулий Майами.

Глядя на мое ошеломленное лицо, провожатый спрашивает:

— Что, хотите познакомиться?

А я одними губами:

— Хо-о-очу-у-у!!!

Так и встретила с замечательной Линой Никольской, которой и посвящен роман «Почерк Леонардо». Ибо до сих пор убеждена и повторяю в любом интервью на вопрос об этой книге, что Лина, уникальная воздушная гимнастка «подарила мне роман».

До известной степени так оно и есть. Просто Лина с великолепной щедростью делилась своим цирком, профессиональным багажом, судьбой, наконец. Моя героиня Анна проживает значительную часть цирковых

коллизий Лины Никольской. Целый год мы интенсивно переписывались; и это была настоящая работа, настоящая честная пахота: я «вскапывала» цирковое поле по сантиметру, изучая досконально все малейшие детали профессии и самого этого великого завораживающего мира.

А в первое наше свидание я была потрясена совсем другим: дом Никольских в Майами представлял собой настоящий питомник разных зверей. Несколько десятков попугаев! Кошки, собаки, целая стая белых павлинов во дворе... Кого там только не было. Разве что крокодилов и акул недоставало. Первым, кого я увидела, был огромный, щедро изукрашенный матушкой-природой попугай. Сначала я решила, что передо мной аляповато сделанная игрушка, уж больно яркие цвета: грудь зеленая, крылья красные, голова синяя... безвкусица какая-то... И вдруг голова игрушки склоняется к плечу, и на меня внимательно смотрят черные бусины глаз.

Лина сказала: «Ну, этот — так, красивая декорация. А вы вот взгляните на мою любимицу Шурочку, горбунью. Она не в клетке, она у меня в спальне живет».

Так я впервые увидела попугая жако. Умница-говоруны Шурочка в первую же минуту выдала мне свой репертуар. А когда в комнату вошла собака Каштан, Шурочка свесила с кровати крючковатый нос старой революционерки Розы Люксембург и прокуренным голосом прокрипела:

— Каштан! Чего тебе?

У меня даже колени ослабели от потрясения.

Так появился еще один герой романа — Говард. Попугай жако, в один из трагических моментов сюжета спасающий мою героиню Анну...

...Этот роман я считаю заговоренным. Помимо множества тайн, которые он содержит, его сопровождает нечто вроде заговора: кинематографисты, которые сразу по

Дина Рубина

12 выходу новой книги обычно запрашивают у меня права на создание фильма, обходят этот роман стороной. Не решаются приближаться к вулкану эмоций, к завесе над тайнами, к коробу фокусника, к миражам оптических зеркал?...

Интересно, что эта книга, которую я никогда не относил к жанру фантастики, награждена премией «Портал» как лучшая фантастическая книга 2009 года.

Странно... Однако не более странно, чем необъяснимое исчезновение из сюжета, из жизни, из книги...главной ее героини. Ясновидящей Анны...

Дина Рубина

ПОЧЕРК
ЛЕОНАРДО

РОМАН

*Лине Никольской —
воздушному канатоходцу*

И остался Иаков один. И боролся
Некто с ним до восхода зари.

Бытие 32:25 — 26

Итак, пусть никто не ожидает,
что мы будем что-либо говорить
об ангелах¹.

*Бенедикт Спиноза.
«О человеческой душе»*

¹ Перевод В. Соколова.